

ХЕМИНГУЭЙ НА КУБЕ

Один из последних снимков Хемингуэя.

ЭТО книга о Хемингуэе — человеке яростном и ранним, мятущемся и цельном, меняющемся, но не меняющем своих убеждений, взглядов, привязанностей. Такая книга не могла не появиться. Несмотря на существование многих книг, бытующих жизнь одного из ярчайших прозаиков нашего столетия. Уж больно «навяз в глаза» фотопортрет седобородого загорелого человека в толстом свитере, похожий на лакированную обложку живого человеческого существа. В этом смысле книга Юрия Папорова «Хемингуэй на Кубе» — книга «иконоборческая», она борется со стереотипом, с ленивым желанием знать не больше того, что «достаточно» знать об известном писателе. И счастливо избегает одной из опасностей «иконоборчества» — создания новой «иконны». Закрывая книгу, понимаешь, почему этого не случилось (не могло случиться) — перед нами книга фактов, в огромном своем числе неизвестных или малоизвестных. А главное — эти добытые с таким трудом факты побывали в руках журналиста, знающего, подобно археологам, цену каждому «черепку», очищенному от пыли времени, понимающего всю опасность резонерства и беллетризации фактического материала. Повторяю — автор написал образ Хемингуэя фактами его жизни. И все же, что значили бы эти факты, если бы...

...если бы со страниц этой книги не сияло любимое Хемингуэем (и автором книги о нем) солнце Кубы, не шелестели ее пальмы и сейбы, не пели ее птицы, не пылали ее огромные звезды, не веяли добрые бризы и грозные норды ее Моря...

...если бы со страниц книги не смотрело на нас морщинистое доброе лицо Старика, вобравшее в себя лица сотен кубинских стариков, униженных чищенским существованием и возвышенных гордым достоинством честных рыцарей моря...

...если бы со страниц этой книги не доносились голоса многих кубинцев, простых людей и видных деятелей кубинской революции, с которыми общался Хемингуэй (и автор книги о нем, долго живший и работавший на Кубе).

Я не раз бывал в доме Хемингуэя под Газаной, в его «Ла Вихиа», но думаю, что теперь, прочитав эту книгу, могу сказать, что наконец намного сократил дистанцию между произведениями Хемингуэя (тем, чем только «и интересен», по мнению Владимира Маяковского, писатель) и тем, чем все-таки так притягательно интересны великие писатели, если только интерес этот вызван желанием познать истоки чуда — книги, сотворенной человеческим гением, «второй реальности», которой не было бы без первой — самой жизни писателя.

А жизнь эта на Кубе (о которой Хемингуэй сказал в 1959 году: «Я чувствую себя счастливым оттого, что я снова здесь, потому что я чувствую себя кубинцем», — поцеловав кубинский

флаг) — а жизнь эта была не только долей гигантских марширов, посещением матчей по боксу, соревнований по стрельбе и игре в «хайлай», но еще и постоянными переменами творческой погоды, мучительными ожиданиями писательского «клева», когда пойдут наконец косяки слов, естественных и неподтвержденных... В точном психологическом воссоздании фактами душевных состояний писателя — еще одна яркая сторона книги Юрия Папорова. В этом смысле издательство «Советский

писатель» может записать в свой актив как бы и книгу о психологии писательского творчества.

Жаль только, что это увлекательное повествование обрывается так неожиданно: мы расстаемся с Хемингуэем за год до того, как он, еще сам того не ведая, в последний раз покинул любимый остров. Ведь наверняка у автора накоплен большой материал об этом заключительном (и, может быть, самом драматическом) периоде двадцатилетнего пребывания Хемингуэя на Кубе.

В свих, разысканиях фактов автору книги о Хемингуэе удалось просмотреть один киноматериал из архивов кубинского телевидения:

«Камеры еще не отключены, и зритель видит, как напряженное, стяннутое усилием воли лицо Хемингуэя — вымученная, деланная, «пристойная» маска — расплывается в широкую, по-детски радостную улыбку, радостную оттого, что наконец кончилась передача и кончились его «мучения»... И мы видим человека, совсем не похожего на известного всему миру Эрнеста Хемингуэя, писателя, бесстрашного охотника, опытного рыбака, смелого, отчаянного путешественника, наконец, драчуна, как его многие себе представляют. Мы видим Хемингуэя смущенного, неуверенного в себе, «большого ребенка», который вот только сейчас одолел еще одну жизненную трудность... Для сомнений не оставалось места — Хемингуэй человек робкий, большей частью, за исключением моментов нервного возбуждения, застенчивый, неуверенный в себе и во всем, более страдающий, чем получающий наслаждение от жизни. Во всяком случае, таким я его вижу на протяжении последних двадцати лет его жизни».

Я привел эту цитату, чтобы передать главное свое ощущение от книги Юрия Папорова — ощущение того, что побывав рядом с Хемингуэем «после съемок», когда отключаются софиты и человек предстает в свете единственно естественного осветительного прибора — солнца. А на Кубе оно — такое честное, жаркое, доброе.

Павел ГРУШКО